
В последние дни необъяснимая тревога на душе только нарастала.

Привычные повседневные занятия не приносили былого удовольствия, а на некоторые я и вовсе откровенно забил, не имея желания и нужного настроения. Для кого-то это стало целой трагедией. Франкенштейн, давно привыкший к моим ежедневным кулинарным шедеврам, даже слегка приуныл однажды не увидев на кухне абсолютно ничего. Тогда я впервые увидел блондина в роли психотерапевта. Он пытался аккуратно выяснить причину подобных изменений в своём рационе, явно не желая мириться с утратой повара, но я попросту сослался на творческий перерыв.

Телевизор с компьютером я игнорировал.

Подобные развлечения не помогали, а потому я не видел никакого смысла тратить на это время.

Картины чисто для себя также перестал писать.

Сидя перед белоснежным чистым полотном, я просто впадал в некий ступор и банально не мог начать что-либо делать. А оставшиеся незаконченные работы не решился продолжать, понимая, что сделаю только хуже. Их я вообще собираюсь продавать в ближайшем будущем. Но если моё творчество и будет кому-то продано, то оно должно полностью устраивать меня самого во всех аспектах. Без нужного настроения получится мазня, а не шедевр.

В спортзале изменений не произошло.

Тут настрой фактически никакой не нужен. Выполняешь заученный комплекс упреждений по таймеру, после чего отправляешься в душ.

Бар немного скрашивал эти дни, но без хорошей книги делать там особо нечего, а читать не хотелось. Насладившись новым вкусом коктейля, смакуя каждый глоток, я уходил уже через полчаса.

Только в академии, находясь в легкой школьной суете, я мог немного отвлечься. Если бы здесь не работал, то мог и с ума сойти.

Сейчас у меня как раз проходило очередное занятие. На дворе конец недели и по устоявшейся традиции, которую я позаимствовал из художественной школы, где сам обучался, я выделял половину урока детям, разрешая им рисовать на любую тему и как им вздумается. Понятное дело, что это специально делали преподаватели, чтоб отдохнуть немного самим и учеников порадовать. Мне отдых как таковой не нужен, но девушкам он точно не повредит.

Однако свобода мысли детей порой поражает.

— Ох, мисс Га Ён, объясните мне, что это? — вложив нотки обречённости в голос, спросил я одну из учениц, сидящих за холстом у окна.

— Моя картина, — непонятливо ответила школьница с двумя чёрными косичками на голове.

Хах, да, это действительно картина. С ней не поспоришь.

Но на прямоугольном полотне была изображена сидящая на троне женщина в лёгком

полупрозрачном палантине в окружении накаченных полуголых мужчин, представленных в виде рабов или слуг. Мужчины стояли у трона на коленях и с нежностью и вожделием смотрели на женщину, чей взгляд был отведён куда-то в сторону. Общая стилистика старается подражать чему-то персидскому, но получается так себе. Особенно лежащие у трона ковры, похожие на современные, и бананы с другими фруктами.

Смотря на это, первая ассоциация идёт не с полноценной картиной, а со страницей какой-нибудь манги для взрослых. Стоит признать, написано неплохо, но за такие картины Виктор может лишиться меня премии в конце месяца. А у меня запланирована одна важная покупка.

— Я вижу, что это ваша картина. Хотите в будущем рисовать мангу? — спросил я напрямую, не желая сейчас читать чужие мысли.

— А вы ей увлекаетесь, учитель? — живо спросила у меня школьница, а остальные наострили уши.

— Иногда читаю, когда время находится, а вы не переводите тему.

— Ну, да. Я уже подрабатываю в одном местечке месяца три, — пожала плечами Га Ён, украдкой оглядывая аудиторию. — Но чтобы меня заметили, как автора, и я смогла бы начать заниматься серьёзными работами, нужно для начала нарисовать небольшие короткие работы в жанре для взрослых... Ну, я в последнее время только их и рисую, а вы сами сегодня сказали, что у нас максимально свободная тема... А что-то не так? Мне уже есть восемнадцать! — непонимающе произнесла девушка, прижимая руки к груди.

Информация интересная. Не знал об этом, хотя уже долго увлекаюсь этими книжками.

— А нужно двадцать. Мы не в Северной Корее, мисс Га Ён, — я ещё раз посмотрел на картину, перекладывая журнал из правой руки в левую. — Я за свободу мысли, но устав школы запрещает подобное искусство.

— Но я... — тут же занервничала она. — Тут же ничего такого нет! Всё важное скрыто под одеждой!

— Я могу это понять, но боюсь директор не будет столь милостив. Он может и экспертизу пригласить, чтобы они изучили ваше творение.

По классу пронесли приглушённые смешки.

Но если серьёзно, то это даже не шутка. Виктор на моей памяти нечто подобное вытворял, когда на кону стояла репутация академии. Что-то было связанное с сомнительной литературой. Приезжала какая-то комиссия и эксперты. Слышал краем уха, но не вникал в подробности.

— В общем, я закрою глаза на этот раз, — произнёс я, ставя галочку в журнале. — Но в следующий раз, если надумаете рисовать нечто подобно, то подарите персонажам чуть больше одежды и желательно закрытой.

— Хорошо, учитель! — согласилась ученица, а я отправился дальше по ряду.

Следующая картина принадлежала Юне. Без пошлости, что не могло не радовать. Три пушистых серых котёнка, которые с озорством игрались с клубками ниток. Рисунок выполнен обычными карандашами, но при этом хорошо детализирован. Ещё немного и можно было бы спутать с фото.

— Мило, — кратко прокомментировал я творчество своего агента.

— Спасибо, учитель, — ответила девушка.

Поставив очередную галочку, я зашагал дальше...

Однако над входной дверью тихо зашумел динамик, что говорило о его включении.

— Учитель Кадис Дензел, — зазвучал голос Виктора. — Пройдите в кабинет директора. Это срочно.

Динамик замолчал.

Сердце в груди застучало пуще прежнего, а тело натурально пробило на мелкую дрожь. Оно само по себе так неадекватно реагировало, но я теперь кое-что понял. Причина, по которой мне было тревожно столько дней, сейчас находится в кабинете Франкенштейна.

Я вышел из кабинета, оставив учениц в аудитории одних, и отправился по коридору в сторону лестницы. Дойти до кабинета директора при желании можно всего за полминуты. Сейчас к тому же шли уроки и коридоры пустовали...

Но я натурально заставлял себя идти туда, пересиливая собственное тело!

Со стороны это выглядит как неспешный ленивый шаг, но для меня это целое испытание. Конечности все похолодели, дрожали и даже начал проступать холодный пот! Такого не было со времён самых первых дней!

Я одновременно испытывал страх и был спокоен. Странное запутанное состояние.

Мне однажды доводилось слышать фразеологизм о борьбе сердца и мозга, но я только сейчас начал понимать, что конкретно имелось ввиду. Голова была холодна и разум спокоен, а тело готовилось вот-вот сорваться с места и убежать из академии, лишь бы не идти в кабинет Виктора.

Было очень страшно, но источник этого чувства лично мне был неизвестен.

Спустившись по лестнице на нужный этаж, я увидел самого директора в коридоре рядом со своей дверью. Всё тот же черный костюм и та же неизменная причёска. Вид у него сейчас был задумчивый: руки сложены на груди, брови нахмурены, а холодный взгляд голубых глаз через линзы очков направлен в пол.

В коридоре никого, кроме нас двоих, не было.

У меня был ещё шанс убежать прочь, например, выпрыгнув из окна или вернувшись к лестнице, но я всё же сумел перебороть этот страх и уверенно зашагал в сторону Виктора.

Он тут же повернулся в мою сторону, поправляя свой черный пиджак.

— Ты меня вызывал? — обычным голосом спросил я, стараясь не выдать в голосе страха.

— Да, — кивнул он, правой рукой открывая дверь и отходя в сторону. — Мой господин, Кадис Этрама Ди Рейзел, и по совместительству ваш родной брат хочет с вами поговорить с глазу на

глаз.

Что?..

Виктор всё же откопал его?!

Но как такое может быть?!

Он на этой неделе сидел в городе!

И не улетал никуда!

— Он там? — это всё, что я сумел выдавить из себя.

— Да. Я кратко рассказал ему вашу историю, и она его заинтересовала. Прошу, — Виктор показал рукой на дверь, приглашая войти внутрь.

Глянув на директора в последний раз, я прошёл внутрь.

Дверь за мной закрылась почти сразу, оставляя меня наедине с неизвестным.

Оказавшись внутри давно изученного мною кабинета, я уставился на человека в форме академии, сидящего на диване для посетителей. Лощёные черные волосы едва касались плеч и слегка развеивались от ветерка со стороны окна. Одна нога элегантно лежала на другой, а в руке чашка с чаем. Невероятно красив, как я. Одним своим видом он внушает странное уважение и даже благоговение.

Одно понятно — это действительно мой брат. Внешне практически точная копия, но от него не исходила такая ужасающая аура, как от Дензела в клетке при нашей последней встрече.

Кроваво-алые глаза посмотрели на меня, а брови чуточку приподнялись в немом удивлении.

— Давно не виделись, брат, — на удивление спокойно произнёс Рейзел голосом, безумно похожий на мой. — Присаживайся. Франкенштейн успел заварить нам чай.

— Очень мило с его стороны, — ответил я и на ватных ногах подошёл к дивану, где занял место напротив брата. — Прошу меня простить, но я...

— Можешь себя не утруждать объяснениями, Дензел, — всё в той же спокойной манере говорил Благородный, не отрывая взгляда от меня. — Франкенштейн мне всё рассказал.

— Неужели?

— У нас было время поговорить и обсудить важные вещи, — кивнул Рейзел, отпивая чая.

К своей чашке я пока не притрагивался, хоть в горле всё пересохло.

— И теперь ты решил поговорить со мной.

— Разумеется. Честно признаться, после пробуждения я ожидал увидеть многое, — начал рассказывать он, повернув голову в сторону стены, полностью увешанной картинами Виктора. — Возможно, даже встретиться с чем-то по-настоящему шокирующим... Но я точно не ожидал, что увижу тебя вновь, причём целым и в полном здравии.

— Потерю памяти я считаю болезнью и весьма болезненной. Я даже не знаю, почему там вообще оказался и провёл столько времени, — решился сказать я, беря чашку в руки.

Рейзел вновь перевёл на меня взгляд, от которого становилось неудобно. Но я старался делать вид, что мне наплевать, попивая чай.

— Хотя ты и не помнишь, но это твоё наказание.

Я и до этого момента понимал, что Дензела не от хорошей жизни выкинули в море, но у меня были и другие догадки. Теперь они бессмысленны.

— Наказание? За что?

— К моему сожалению, ты совершил очень серьёзное преступление, за которое должен был расстаться с жизнью, — голос его стал чуть жестче.

— Но я жив? — скорее утвердительно произнёс я.

— Не желаю вспоминать прошедшее и уж тем более рассказывать про это. Если тебе, Дензел, не дано вернуть самостоятельно эти воспоминания, то так и должно оставаться.

— То есть ты мне не поможешь вернуть память?

Есть сомнения у меня на этот счёт. У настоящего Дензела память была, а я ведь ненастоящий Дензел. Но спросить брата всё же стоило. Так, наверное, поступил бы каждый, да и вернуть мою собственную память точно не помешало бы.

Благородный ответил мне не сразу, смотря в глаза и явно о чём-то размышляя...

Наверяд ли он будет пробовать меня гипнотизировать.

— Нет, это может быть опасно, — заявил братец, после чего проморгался и отпил немного чая.

— Как я уже упоминал, Франкенштейн успел мне всё рассказать с момента, как тебя нашли в море. Это история удивительна, учитывая, каким ты являлся раньше и как вёл себя по отношению к простым людям, населяющим этот мир. У меня нет повода не доверять Франкенштейну, а потому его слова дают некую надежду.

— Что ты имеешь в виду под надеждой? — поинтересовался, закидывая ногу на ногу.

По мере разговора мне становилось лучше, отчего позволил себе расслабиться и немного откинуться на спинку дивана. Я заметил ещё, что моя поза похожа на позу, в которой сейчас сидел Рейзел, но была чуть более вальяжной и расслабленной. Время берёт своё и старые привычки этого тела меняются под меня.

— Что ты не повторишь тех же ошибок.

— Хочешь сказать, будет лучше, если я ничего не вспомню? Тебе не кажется это жестоким?

— Возможно, но в противном случае могут повториться события прошлого, когда мы едва не убили друг друга, — предупредил меня он, опустив взгляд на чашку в руке. — Это серьёзно, Дензел. Второй раз пощады за совершённые тобою грехи от меня можешь не ждать. Помогать тебе с этой проблемой я не стану, но и городить препятствия перед тобой тоже не собираюсь. Ты волен сам выбирать свою новую судьбу, но не забывай о моих словах, сказанных сегодня.

Да уж... Рейзел звучал угрожающе. У меня даже мурашки прошли по телу от его слов. Но теперь стали понятны давнейшие слова Дензела, когда тот говорил, что его брат «уже давно подох от ран». Похоже, вампирёныш в клетке приврал и от ран подох он сам, а не его брат.

— Я... Я в прошлом действительно совершил нечто «такое»? — я неопределённо помахал кистью руки в воздухе, пытаюсь узнать о Дензеле ещё хоть что-то.

— Да. Как я и говорил, за подобное полагается смерть.

Рейзел вновь отпил чая. Глаза его разглядывали уже другую стену, у которой стоял деревянный шкаф, забитый всяким древним антиквариатом.

— Но ты так и не сказал, что я такого совершил.

— Я и не собираюсь рассказывать. Просто забудь об этом. Свидетелей тех событий практически не осталось на этой земле и некому требовать крови. Учитывая твою травму, можно сказать, что прошлый Дензел уже давно умер, — его тонкие губы тронула небольшая едва-едва видимая улыбка, которая тут же скрылась за белой чашкой.

Тут сердце пропустило удар.

Я на секунду даже забыл, как дышать.

Он что-то понял?! Или это просто фраза такая?!

— Из прошлого я помню лишь пару слов и имён, — осторожно начал отвечать я, вглядываясь в брата. — Поэтому меня действительно можно считать совсем другим человеком... Кхм, то есть Благородным.

— Именно это и даёт мне ту самую надежду, — кивнул Рейзел, ставя чашку на стол на блюде. — Дензел, скажи, находясь в обществе людей столько времени, ты не чувствуешь чего-то странного?

Что это ещё за вопрос такой?

— Что ты имеешь ввиду под словом «странное»?

Чая у меня в чашке ещё предостаточно, и я между делом постепенно его пил.

— В прошлом у нас произошёл один малоприятный разговор, — всё так же спокойно говорил брат, не меняя позы. — Ты мне в тот день рассказал, что именно чувствуешь просто от одной лишь мысли о людях. Это я имею ввиду.

— Оу, я понял, о чём ты говоришь.

— Правда?

— Когда я пробудился в этом новом для себя мире, я черпал информацию с помощью своих способностей, проникая в сознание к разным людям. Случайно... Интуитивно получилось ими воспользоваться. Возможно, по этой причине я ничего не чувствую к ним, как самый обычный человек, — я допил остатки чая и поставил чашку на блюде. — Однако при мысли о том, чтобы я переспал с обычным человеком, у меня появляется дикое отвращение, которое ничем не сбить. Несмотря на всю свою выдержку, меня едва не стошнило, когда я пытался заняться сексом. Это какой-то рефлекс или остатки памяти так реагируют, но это пока единственный

момент, который сильно выделяется на общем фоне.

По мере моего рассказа глаза Рейзела становились шире, а тонкие аккуратные брови поднимались ввысь. Маска отстранённости дала явную трещину. Я нехило его удивил, похоже.

— Да, об этом ты говорил, но только о мыслях... Хм, Франкенштейн об этом мне не сообщил.

— Потому что я ему об этом не рассказывал, — я пожал плечами. — Это довольно щепетильный и личный момент, которым можно поделиться только с близкими. Кстати, у нас больше нет других родственников?

— Нет, — Рейзел отрицательно покачал головой. — Только очень дальние из других кланов. Мы последние представители своего клана. Ты – его глава по праву старшинства.

Тут Рейзел повернул голову в сторону двери и через мгновение она открылась, пропуская внутрь Виктора. Мужчина внимательно оглядывал нас двоих, ожидая чего-то.

— Франкенштейн рассказал мне, что ты стал учителем. Более я тебя не задерживаю. Можешь возвращаться к своим ученикам и продолжать процесс обучения. Прости, что отвлёк, но ситуация этого требовала.

— Мастер? — взволнованно произнёс Франкенштейн, вставая рядом с братом и наливая тому чай.

— Разговором я удовлетворён...

<http://tl.rulate.ru/book/70966/2072769>